

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

О НЕКОТОРЫХ РАБОТАХ Б. О. УНБЕГАУНА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В данной статье мы познакомим читателей с содержанием нескольких последних работ проф. Б. О. Унбегауна, представляющих собою отдельные этюды, главным образом по истории русского языка.

В статье «Vulgarisation d'un terme liturgique. Russe *прохлаждаться*»¹ подробно прослеживается судьба группы старославянских слов *прохлаждити*, *прохлаждение*, *прохлада* и др. в русском языке. В старославянском языке эта семантически единая группа калек с греческого имела целую гамму значений (отмечено первоначальное этимологическое значение, кроме того значения «утешать, ободрять, укреплять», «отдыхать», «отдых; покой»). Эти славянские выражения, точные кальки с греческого, продолжают жить в литургии ортодоксальной церкви. Благодаря ежедневному употреблению в церкви они начинают проникать и в общий язык (наиболее древние примеры указывают на XVI в.). В народном языке распространяется значение «отдых», а затем «удовольствие, наслаждение». Первые примеры этого рода находим в Домострое, где употребляется и отглагольное имя мужского рода *прохладь* со значением «удовольствие» (русская адаптация славянского слова *прохлада*). Примечательно, что с этимологическим значением Домострой употребляет русское *холодити*. Значения «отдых» и «удовольствие» у этих слов наблюдаются и в текстах XVII и XVIII вв. (у Державина, Хераскова, Фонвизина), однако наряду с ними отмечено и проявление этимологического значения (у Ломоносова, Державина, Фонвизина, Богдановича), что свидетельствует о возникшей в XVIII в. амальгаме церковнославянских и русских элементов. Об этой же тенденции говорит употребление в начале XVIII в. славянского прилагательного *прохладительный* с русским значением. Начиная с середины XVIII в. к комбинациям русских и славянских элементов в данной семантической группе присоединяется влияние французского языка — ср. выражение *животворящая прохлада* у Фонвизина, которое является передачей старославянскими средствами французского *fraîcheur vivifiante* (в современном русском: *живительная прохлада*). Употребление рассматриваемых слов в значениях «отдых», «удовольствие» становится все более диалектным, хотя отдельные примеры подобного употребления имеются у Чаадаева, Лескова, Достоевского, Горького. В русском литературном языке наших дней лишь глагол *прохлаждаться*, сохраняя полностью церковнославянскую форму, имеет русское народное значение (ср. еще с *прохладцем* или с *прохладцей*), остальные слова этой группы известны лишь с этимологическим значением «свежий, прохладный». *Прохладные отношения* — возможно, калька с французского.

В коротенькой заметке «О русском названии для мамонта»² уточняется время появления слова *мамонт* в русском языке. Впервые это слово, как указывает проф. Унбегаун, зафиксировано в рукописном русско-английском словаре Ричарда Джемса.

Заметка Б. Унбегауна «Как называли носорога в Древней Руси?»³ была написана в связи с появлением словарной статьи к слову *kergerden* в Этимологическом словаре Фасмера, которое определено как *Nilpferd* (гиппопотам). Б. Унбегаун показывает, что слово *kergerden*, как и слово *kark*, не были фактами древнерусского словаря. Они встречаются эпизодически, в отдельных памятниках; первое представляет собою древнерусскую транскрипцию татарского слова. В русско-церковнославянских и некоторых древнерусских текстах встречаются слова *инорог*, *инорожец*, *единорожец*, *индрогова кость*, но неизвестно, какое животное этими словами называли. С XVIII в. известно слово *носорог*. в Словаре Академии Российской есть и толкование данного слова.

¹ «Revue des études slaves», t. 27, Paris, 1951, стр. 279—287.

² B. U n b e g a u n, Zum russischen Namen des Mammuts, «Zeitschr. für slavische Philologie», Bd. XXII, Hf. 1, 1953, стр. 150—151.

³ B. O. U n b e g a u n, Wie hieß das Rhinoceros im Altrussischen?, «Festschr. für Max Vasmer», Berlin, 1956, стр. 546—551.

В статье «Бельгийское происхождение одного русского названия обезьяны»¹ приведено много интересных фактов, на основании которых автор делает вывод о том, что слово *мартышка*, известное из всех славянских языков только русскому, заимствовано в конце XVI в. из фламандского, где было известно употребление имени Мартина и для называния обезьяны уже в XIII в. Заимствование это произошло устным путем, без помощи языка-посредника (Брюкнер в качестве такого посредника называет польский язык).

В заметке «Сказка о Бове Королевиче и русский словарь»² проф. Унбегаун сообщает весьма интересные факты из русско-английского словаря Марка Ридлея, свидетельствующие о существовании русского перевода сказки о Бове уже в конце XVI в.

Статья проф. Б. О. Унбегауна «Названия для снега в румынском языке»³, посвященная вопросу о соотношении слов *zăpadă, omăt* и соответствующих славянских названий, затрагивает и общую проблему исторического взаимоотношения славянского языка с другими языками, в частности с румынским. В двадцатые годы С. Пушкарю, отметив, что и в албанском языке название снега этимологически связано с глаголом со значением «падать», высказал гипотезу, что слово *zăpadă* «снег» образовалось лишь в языке славян, обитавших некогда в Дакии, к северу от Дуная, образовалось аналогично албанским названиям как калька с какого-то автохтонного балканского языка. Эта гипотеза была связана с общей теорией С. Пушкарю об автохтонном характере румын в Трансильвании. Проф. Унбегаун убедительно показывает, что семантическая группа, связанная со значением «снег» и включающая слова с глагольным корнем *pad-ать*, известна многим славянским языкам, а не только тем, которые некогда оказались на территории Дакии. Автор приводит примеры из русского, чешского, польского языка XVI в., словенского, сербскохорватского. Самого слова *zăpadă* со значением «снег» в славянских языках нет, за исключением украинского *zapadъ* «глухой снег». Известны лишь прилагательные: в польском языке — *zapadny* «богатый снегом», в словенском — *zapaden snég* «снег, который засыпает». Семантика румынского слова *zăpadă*, заимствованного, судя по его географическому распространению, из южной группы славянских языков, а также значение соответствующих славянских слов, показывают, что первоначальное значение глагола *zapadati* и образованного от него существительного *zăpadă* было «засыпать снегом», «куча снега». Остается неясным, возникло ли отглагольное существительное в славянском языке и затем было заимствовано румынским или это образование имело место уже в системе румынского языка.

Сходна история слова *omăt*. В славянских языках известно и сейчас употребление глагола с корнем *met* (*мести, замести*) со значением «засыпать снегом», а анализ значения существительных *omêt, zămetь, сумêt* и под. показывает, что их этимологическое значение — «куча».

В статье «Словенское *opâsen* и его русский прототип»⁴ автор уделяет внимание истории слов *опась, безопасу, безопас(ь)ный, опас(ь)ный* в их противоположных значениях (ср. *опасная грамота* — «предохранительная, покровительственная» и *опасный* в современном значении) в древнерусском языке, а также в литературном русском и народном языке позднего периода. По наблюдениям проф. Унбегауна, слово *опасный* со значением «осторожный, осмотрительный» и т. д. было образовано от древнерусского слова *опась* и в XVI—XVIII вв. было ограничено употреблением в приказном языке. Противоположное же, современное значение прилагательного возникло лишь в XVIII в. под воздействием слова *безопасный* (последнее было образовано от древнерусского *безг опасу*). В дальнейшем слово в первом значении выходит из литературного употребления и сохраняется в говорах, его же антоним, укрепившись в литературном языке, в говорах воспринимается как заимствование из литературного языка. В словенском языке слово *opâsan* имеет значение, аналогичное современному русскому *опасный*. Судя по источникам, оно могло быть заимствовано между 1860 и 1880 гг.

Интересная статья «*Явка* в русской юридической практике XVII века»⁵ имеет более исторический, чем филологический характер. Автор указывает, что термин *явка* известен в русских юридических текстах, начиная со второй половины XIV в. Образованный от глагола *явити* («представлять», «объявлять»), он обозначал первоначально «представление». Со второй половины XVI в. этот термин начинает употребляться

¹ В. О. Унбегаун, L'origine belge d'un nom russe du singe, «Bull. de l'Académie royale de Belgique (Classe des lettres)», Série 5, t. XXXIX, 4, 1953, стр. 187—199.

² В. О. Унбегаун, Le conte de Bova Korolevič et le vocabulaire russe, «Analecta slavica», Amsterdam, 1955, стр. 39—43.

³ В. О. Унбегаун, Les noms de la neige en roumain, «Orbis. Bull. international de documentation linguistique», t. II, № 2, Louvain, 1953, стр. 346—351.

⁴ В. О. Унбегаун, Slovène *opâsen* et son prototype russe, «Slavistična revija», Letnik III, 3—4, Ljubljana, 1950, стр. 304—307.

⁵ В. О. Унбегаун, La «jávka» dans la pratique judiciaire russe au XVII-e siècle, «Archives d'histoire du droit oriental», t. V, Anvers (Belgique), 1950, стр. 291—306.

со значением «объявление», что было связано с появлением нового типа русских юридических документов, распространившегося на севере (автор рассматривает явки Тарнажского городка и явки Великого Устюга). С начала XVII в. явки отражают влияние московской традиции.

В статье «Древнерусское название матроса»¹ проф. Б. О. Унбегаун излагает результаты своих разысканий о словах *сар* (*sara*) и *матрос* (*matros*). Наиболее ранние примеры употребления слова *сар* (*sara*) (к голл. *sjouwer*) извлечены проф. Б. Унбегауном из рукописного русско-английского словаря Марка Ридлея 1599 г. и русско-английского словаря Ричарда Джемса (1618—1620 гг.). В обоих словарях *sara* — термин для матроса (*a sailor, a mariner*). В древнерусских текстах конца XVI — начала XVII в. это слово не встретилось, найдены лишь слова: *арьга, арьжный*. Анализ довольно многочисленных примеров позволил автору сделать вывод, что во второй половине XVII в. словом *sara* называли корабельных рабочих людей из иностранцев, вольных (таких же людей из русских называли *работные люди*). Со словом *sara* автор связывает диал. *сарынь* «толпа, чернь».

Слово *сар* (*sara*) не пережило XVII в., уже в последние годы века оно было вытеснено словом *матрос, матроа*, заимствованным из голландского. В отличие от первого, этим словом могли называть и русских и иноземцев, служащих на русских кораблях. Ранее конца XVII в. слово *матрос* употреблялось лишь для обозначения чужих матросов на иноземных кораблях.

Статья проф. Б. О. Унбегауна «Où en sont les études d'anthroponymie russe. Bibliographie critique»² представляет собой обзор работ, касающихся происхождения русских имен и фамилий. Этой же теме посвящена статья «Structure des noms de famille russes»³.

В заметке «Прошлое русского *этом*»⁴ проф. Унбегаун отмечает, что древнерусскому указательному местоимению *сесь* (и *сей*) соответствует новообразование *этом*, состоящее из эмфатической частицы *э* и местоимения *тот*, между которыми мог помещаться повторяемый предлог: *с естем, в ефтом, к ехтому, на ентот*; так возникли диалектные варианты местоимения *естот, ефто, ехто, енто*. Данные словаря Ридлея указывают на широкое распространение местоимения *этом* в конце XVI в. в московском разговорном языке, причем написание его в словаре с буквой *с*, а не *е* указывает на отсутствие йотации при произношении.

В статье проф. Б. О. Унбегауна «Несклоняемые существительные в русском языке»⁵ история несклоняемых существительных в русском языке на протяжении XVIII—XIX — первой половины XX вв. связывается с общей тенденцией русского языка к схематизации грамматических отношений. Выделяются четыре группы несклоняемых существительных в зависимости от их окончания: на *-и* (типа *виски, жюри*), на *-у* (типа *зёбу, рагу, меню*), на *-е* (типа *алба, кабарё*) и на *-о* (типа *танго, бюро*). Подчеркивая большую чувствительность современного русского языка к такому различию, как продуктивность и непродуктивность грамматической категории, автор объясняет несклоняемость этих существительных отсутствием русских имен существительных с окончаниями *-и* и *-у* и непродуктивностью бессуффиксных слов на *-о, -е* (типа *село, поле*). В XVIII в. и в первой половине XIX в. число склоняемых заимствованных слов было гораздо больше, чем в современном языке, история этих слов с середины XIX в. связана с утратой ими флексий. В статье рассматривается отношение данных слов к грамматическому роду на протяжении XVIII—XX вв. Сравнение с другими славянскими языками показывает, что различия в указанном отношении связаны с условиями формирования и функционирования современных славянских литературных языков.

В статье «Возникновение грамматической категории. Субстантивированные прилагательные на *-овый*»⁶ автор источником этой новой категории считает профессиональную лексику, в той или иной мере приближающуюся к арго. Слова на *-овый* обладают не только семантической, но и морфологической характеристикой, ср. прилаг. *марсовый* и сущ. *марсовый*, прилаг. *кордовый* и сущ. *кордовый, вальцовый — вальцевый, кружковый — кружковой, домовый — домовый* и т. п. О возникновении новой категории и ее продуктивности свидетельствует непосредственное возникновение субстантиви-

¹ B. O. U n b e g a u n, Eine altrussische Bezeichnung des [Matrosen], «Zeitschr. für slav. Philol.», Bd. XXVI, Hf. 1, Heidelberg, 1957.

² «Revue internationale d'onomastique», t. II, № 2, Paris, 1950, стр. 151—160.

³ «Troisième Congrès international de toponymie et d'anthroponymie. Bruxelles. 15—19 juillet 1949», Louvain, 1951, стр. 433—436.

⁴ B. O. U n b e g a u n, Das Alter von russisch *etot*, «Zeitschr. für slavische Philologie», Bd. XXIII, Hf. 2, Heidelberg, 1955, стр. 322—325.

⁵ B. O. U n b e g a u n, Les substantifs indéclinables en russe, «Revue des études slaves», t. 23, fasc. 1—4, Paris, 1947, стр. 130—145.

⁶ B. O. U n b e g a u n, Création d'une catégorie grammaticale. L'adjectif substantive russe en *-ovij*, «Recueil linguistique de Bratislava», vol. I, 1948 стр. 167—172.

рованных существительных на *-обий* без стадии прилагательного. Так, автор отмечает появление слов *блоковбій, боксовбій, столовбій, штубовбій*.

В статье «Две украинские грамоты 1502 года»¹ дано описание основных черт фонетики, морфологии и словаря двух украинских грамот, входящих в состав сборника «Памятники дипломатических сношений Московского Государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией», т. I, СПб., 1884 («Сб. Имп. Русск. ист. о-ва», т. 41).

Статья двух авторов — Д. С. Симмонса и Б. О. Унбегауна «Славянские рукописные словари в Бодленской библиотеке»² является небольшим введением к готовящейся авторами публикации трех славянских рукописей, хранящихся в Бодленской библиотеке в Оксфорде: Русского словаря Марка Ридлея (Mark Ridley), словаря Ричарда Джемса (Richard James) и семязычного лексикона, содержащего украинские слова.

Критические замечания вызывает посвященная общим вопросам истории русского языка лекция проф. Унбегауна на тему «Разговорный и литературный русский язык» (прочитана в Оксфорде 15 ноября 1949 г., опубликована в 1950 г.)³. В ней излагаются взгляды автора на развитие русского литературного языка в его отношении к русскому просторечию на протяжении всего исторического периода — от XI в. до наших дней. Они не являются новыми и применительно к древней эпохе представляют собою упрощенный вариант шахматовской концепции. Так, для эпохи XII—XIV вв. автор триничет два изолированных друг от друга письменных языка — собственно литературный церковнославянский и нелитературный приказный; последний, по мнению автора, был лишен стилистических вариантов и обслуживал одинаково все слои населения. Многочисленные исследования убеждают в том, что единый язык древнерусской письменности был представлен тремя типами: церковно-книжным, деловым и промежуточным между ними, который имел связи и с древнерусской устной литературой⁴. Неправильно изображает автор функцию письменно-делового языка в XVI—XVII вв. Мало исторично очерчено в оксфордской лекции понятие разговорного языка, для которого уже в эпоху XIII—XV вв. был характерен ряд диалектных различий, известных и в настоящее время. Здесь возникает и проблема взаимоотношения разговорного языка и различных типов письменного, которые (в различной мере) подвергались проникновению этих диалектных различий. Автор ничего не говорит и о московском просторечии, важная роль которого определилась тем, что оно стало живой основой формирующегося в это время национального русского литературного языка. Нет никаких оснований говорить о хаосе в литературном языке с конца XVII в. и до эпохи Пушкина, когда сложилась живая основа всех основных орфоэпических и грамматических норм и успешно решалась задача упорядочения лексико-фразеологического состава⁵.

Проф. Унбегаун основным процессом развития русского национального литературного языка считает его европеизацию; французский язык, по его мнению, — третий составной элемент современного литературного языка наряду с церковнославянским и народным русским. Однако этому противоречит вся история русского литературного языка XVIII — XIX вв. и творчество таких крупнейших писателей, как Ломоносов, Фонвизин, Крылов, Грибоедов, Пушкин. В лекции подчеркивается примитивность народных диалектов и устной речи городов, т. е. всех тех форм живого языка, которые находились за пределами обработанного литературного языка. В таком случае совершенно непонятно, на какой живой основе развивался русский литературный язык, язык русской художественной литературы, публицистики.

Автор лекции выдает за самое характерное то, что было случайным в развитии русского языка в последний период. Дискуссия по вопросам литературного языка в 30-х годах действительно указала на некоторые тенденции к засорению и обеднению языка, но она же наметила пути и задачи дальнейшего подъема культуры речи как составной части социалистической культуры. Борьба за очистку языка, начатая В. И. Лениным, продолжается, и в настоящее время актуальными для нас остаются задачи повышения речевой культуры народа. Но это совершенно не та задача, которая стояла перед русским языком 150 лет тому назад, как это утверждает проф. Б. О. Унбегаун.

¹ В. О. Унбегаун, Deux chartes ukrainiennes de 1502, «Slavia», роѡн. XIX, сеѡ. 3—4, 1950, стр. 336—348.

² J. S. G. Simmons and B. O. Unbegaun, Slavonic manuscript vocabularies in the Bodleian Library, «Oxford Slavonic papers», vol. II, 1951, стр. 119—127.

³ В. О. Унбегаун, Colloquial and literary Russian, «Oxford Slavonic papers», vol. I, 1950, стр. 26—36.

⁴ См., например: Г. О. Винокур, Русский язык, М., 1945; В. В. Виноградов, Образование русского национального литературного языка, ВЯ, 1956, № 1; В. А. Абрахнелъский, Фразеология «Поучения» Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1950; С. Д. Ледева, Русская военная лексика XI—XIII вв. (по материалам летописей). Автореф. канд. диссерт., М., 1955, и др.

⁵ См. об этом В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 14—24.

Несомненный интерес для наших читателей имеет статья проф. Б. О. Унбегауна «Несколько последних исследований по истории русского языка»¹, где он критически рассматривает пять работ по истории русского языка: «Историю древнерусского языка» Л. П. Якубинского, «Историческую грамматику русского языка» П. Я. Черных, «Историческую грамматику русского языка» П. С. Кузнецова и два специальных исследования: «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» С. Д. Никифорова и «Язык Уложения 1649 года» П. Я. Черных. В книге Л. П. Якубинского проф. Унбегаун высоко оценивает разделы об истории полных и кратких прилагательных, о распространении предложных конструкций, о развитии придаточных цели и причины, подчеркивает полезность списков церковнославянских элементов в русском языке в разные периоды. К числу серьезных недостатков книги автор относит эклектизм введения, отсутствие исторической перспективы в освещении дописьменного периода развития славянских языков, весьма незначительное привлечение материала других славянских языков, слабость главы о глаголе. Так, комбинация глагола в видовые пары, наиболее характерная черта русского вида, даже не упомянута в книге проф. Якубинского, развитие категории залога сведено к истории частиц *-ся, -сь, -си*, бездоказательно представлена история форм будущего времени. Особенно резко критикует проф. Унбегаун изложение в книге проф. Якубинского истории глаголицы, не соглашаясь и с представлениями автора о древнерусском письменном языке в его отношении к живому народному языку.

Анализируя общий курс проф. Черных, автор указывает, что он лучше построен, чем книга проф. Якубинского, хотя и менее оригинален. К числу существенных недостатков этой книги проф. Унбегаун относит: попытку проф. Черных представить русский язык как наиболее независимый, мало связанный с окружающим языковым миром; игнорирование западных разысканий по истории русского языка; очень малое число иллюстративных примеров, причем эти примеры, как правило, взяты из опубликованных книг; недостаточно четкую историческую перспективу при рассмотрении отдельных фактов (например, две палатализации заднеязычных и изменение сочетаний *кы, еы, хы* даются под одним заголовком, в парадигме спряжения в будущем времени со вспомогательным глаголом *буду* дается двойственное число, не ясно изложен вопрос о твердых, полумягких и мягких согласных и др.); слишком суммарное изложение основных исторических процессов в развитии имени, глагола, числительных.

Книга проф. П. С. Кузнецова оценивается наиболее положительно. Но и в ней проф. Унбегаун отмечает серьезные недостатки. К их числу он относит частое отсутствие иллюстративных примеров, что приводит к неясности и неточности формулировок. Из книги, подчеркивает проф. Унбегаун, читатель узнает начальную точку каждого исторического процесса, но он не узнает пути, по которому шло это развитие; автора книги, видимо, мало интересует вопрос «как» для каждого исторического факта. Лучшей и оригинальной частью книги проф. Унбегаун считает раздел о глаголе, но при этом он отмечает спорность изложения истории вида и слабость изложения истории perfect'a. Не согласен проф. Унбегаун с мнением проф. П. С. Кузнецова о том, что формы будущего времени (*буду* + Infinitiv) связаны с народной речью. По его мнению, это — литературные формы. Как существенный недостаток всех трех работ проф. Б. О. Унбегаун отмечает отсутствие ссылок на зарубежные работы по русскому и славянскому языкознанию.

Специальные исследования по истории русского языка проф. Никифорова и проф. Черных оцениваются весьма положительно.

В конце обзора работ проф. Б. О. Унбегауна укажем на составленный им библиографический справочник по русскому языку². Это — очень полезное издание. Не являясь полным библиографическим справочником, он содержит указания почти на все важнейшие работы. Правда, в справочнике есть иногда досадные пропуски; так, в разделе о грамматиках современного русского литературного языка не указана книга Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики современного русского литературного языка». Справочник очень удобен для практического пользования и может служить хорошим пособием для преподавателей и студентов филологических факультетов.

К. В. Горшкова

¹ B. O. U n b e g a u n, Some recent studies on the history of the Russian language, «Oxford Slavonic papers», vol. V, 1954, стр. 117—132.

² B. O. U n b e g a u n with the collab. of J. S. G. S i m m o n s, A bibliographical guide to the Russian language, Oxford, 1953.